

«Как... жертвой идейного убийства мог стать один из лучших, один из достойнейших!»

Генерал Ю.Н. Плющевский-Плющик о генерале И.П. Романовском.
1921 г.

Русская военная эмиграция оставила обширное документальное наследие, представляющее внушительный пласт ценнейших исторических источников по самым разным вопросам. Особенно интересны свидетельства высокопоставленных военных деятелей, которые в силу своего должностного положения были хорошо информированы о значимых процессах и событиях. Среди таких лиц целый ряд генералов, стоявших во главе Белого движения на Юге России.

Ниже публикуется письмо генерал-майора Ю.Н. Плющевского-Плющика (1877–1926) генерал-лейтенанту А.И. Деникину (1872–1947) о генерал-лейтенанте И.П. Романовском (1877–1920). Письмо было написано Плющевским-Плющиком 17 сентября 1921 г. в Сербии, в Петроварадине, где генерал жил после эмиграции из России. Деникин тогда проживал в Бельгии и работал над «Очерками русской Смуты».

В письме, в основном, идет речь о дореволюционной службе погибшего друга Плющевского-Плющика и Деникина генерала Романовского. Оно важно как свидетельство о складывании того штабного коллектива, который позднее стал во главе Добровольческой армии и Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР). Известно, что Деникин в 1918–1920 гг. являлся главнокомандующим Добровольческой армии и ВСЮР, Романовский в те же годы – начальником штаба Добровольческой армии и ВСЮР, а Плющевский-Плющик в 1918–1919 гг. – генерал-квартирмейстером штаба главнокомандующего ВСЮР.

Объединяло генералов не только совместное участие в руководстве ВСЮР, но и общность взглядов, а также дореволюционная служба. Все они окончили Николаевскую академию Генерального штаба. Романовский и Плющевский-Плющик вдобавок были одногодками, выпускниками Константиновского артиллерийского училища, затем стали гвардейскими артиллеристами. После академии они попали на службу в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) – высший орган военного управления, в котором осуществлялось руководство военным строительством, военной разведкой, разрабатывались планы войны, велась военно-научная работа. Оба офицера служили в мобилизационном отделе ГУГШ. Летом 1917 г. их пути вновь пересеклись уже в Ставке Верховного главнокомандующего, где они занимали должности генерал-квартирмейстеров.

За поддержку выступления генерала Л.Г. Корнилова Деникин, Романовский и Плющевский-Плющик были арестованы. Деникин и Романовский вместе с Корниловым и другими арестантами были отправлены в город Быхов, неподалеку от Ставки в Могилеве. Заключение в Быхове сформировало костяк высшего командного состава Добровольческой армии и укрепило его единство, генералы согласовали политическую платформу будущего Белого движения.

Что касается Плющевского-Плющика, то уже через несколько дней после ареста он был освобожден и в Быхов не попал. Скорое освобождение произошло, по-видимому, благодаря Романовскому, о чем можно узнать из публикуемого документа. Тем не менее, в дальнейшем Деникин, Романовский и Плющевский-Плющик оказались на Дону и приняли участие в создании Добровольческой армии. Между ними сложились не только хорошие служебные, но и тесные дружеские отношения. Этот штабной коллектив руко-

водил Добровольческой армией и ВСЮР на протяжении самой острой фазы Гражданской войны с 1918 по начало 1920 г.

Весной 1920 г. три генерала покинули Россию и перебрались в Константинополь. Там 42-летний генерал Романовский был убит в результате покушения в здании русского посольства 5 апреля 1920 г. Его застрелил монархист, бывший офицер белой контрразведки, поручик М.А. Харузин¹.

Плющевский-Плющик в эмиграции жил в Югославии и Франции. Генерал трудился простым рабочим на автомобильном заводе. Жизнь его также оборвалась рано. В возрасте 49 лет он умер после сердечного приступа. Похоронен первоначально на кладбище в Банье под Парижем, затем перезахоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа. Деникин прожил значительно дольше. Его останки ныне покоятся в Москве, в Донском монастыре.

Судя по тексту документа, Деникин сам попросил Плющевского-Плющика охарактеризовать погибшего товарища, для него была особенно важна оценка деятельности Романовского за период, когда они не служили вместе. Как видно из письма, дружеские связи Плющевского-Плющика и Романовского сложились задолго до Гражданской войны. Интересно, что в их круг входил и будущий генерал С.Л. Марков – один из вождей Белого движения на Юге России. Сослуживцем Романовского был также генерал А.С. Лукомский, впоследствии вошедший в число лидеров Белого движения на Юге России.

Письмо содержит множество биографических подробностей о Романовском и в этом отношении представляет значительный интерес. Особенно ценно то, что оно проливает свет на подготовку корниловского выступления. Одновременно перед нами и межуарный текст, который легко читается.

Документ публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Явные ошибки исправлены без оговорок. Все даты до февраля 1918 г. приведены по старому стилю. Сведения о ряде лиц выявить не удалось.

Публикацию подготовил доктор исторических наук А.В. ГАНИН.

Письмо Ю.Н. Плющевского-Плющика А.И. Деникину

Петровар[а]дин Дунав.

17 сентября 1921 г.

Глубокоуважаемый Антон Иванович!

Вы, конечно, не хуже моего знаете покойного Ивана Павловича и, если я правильно понимаю Ваше желание, то оно сводится лишь к тому, чтобы получить от меня некоторые сведения, подтверждающие основные черты характера Вами, особенно за период жизни его Вам не известный.

Вы тоже знаете, что он являлся для меня лучшим другом, и я крепко любил его, как человека исключительно близкого и родного.

Это последнее обстоятельство, как это ни странно и было причиной, почему я не выступил до сих пор печатно в защиту покойного. Хотелось бы так лично сказать, так лично написать, хотелось бы убедить всех, но опасение, что защита моя выйдет слишком слабой, и даже может вызвать нежелательную полемику и останавливает, и пугает меня.

¹ Подробнее см.: Чемакин А.А. «Анонимный центр»: Тайные монархические организации и правый терроризм на белом Юге России (1918–1920). М., 2020. С. 287–311.

Вы более авторитетны и более опытни, и я с огромным удовольствием постараюсь сообщить Вам те штрихи и черточки из жизни Вани, на которые можно указать и следует остановиться.

Среди нас, близких товарищей, к числу которых принадлежал и покойный Сергей Марков¹, Романовский пользовался всегда не только любовью, но и глубоким уважением. Его выдающийся ум, твердый характер, его исключительная серьезность, кристальное благородство и редко доброе сердце, создавали ему тот авторитет, которым он всегда пользовался, но к которому никогда не стремился.

Он был беззаветно предан долгу и был военным в лучшем и полном смысле этого слова. Известно ли Вам, при каких обстоятельствах, еще будучи причисленным к Ген[еральному] штабу, И.П. попал на Русско-яп[онскую] войну, не только не по назначению, но даже против желания начальства и с риском потерять по службе.

Когда началась война, он еще не кончил цензовое командование ротой и как большинство его товарищей мог спокойно оставаться в Петрограде^а. Эта перспектива, однако, не улыбалась Ване. Его неудержимо тянуло на войну. Он подает рапорты, просит – его не пускают, он продолжает хлопотать, – ему упорно отказывают, он настаивает, его запугивают тем, что ему не зачтут командование за ценз. Ваня соглашается на всё и, наконец, едет.

Характерно, что перед этим он только что женился и, уезжая, оставлял в Петрограде молодую жену, которую до конца дней своих горячо любил².

Подробности службы его в действующей армии мне неизвестны. Знаю только, что И.П., имея полную возможность вскоре перейти на более видную и спокойную должность в один из крупных штабов, неоднократно отказывается от предлагаемых ему предложений и продолжает служить ст[аршим] ад[ъютантом] одной из сиб[ирских] дивизий (ком[андующий] Кондратович³, кажется 9[-й]), справедливо полагая, что для молодого офицера Ген[ерального] штаба это именно и есть та школа, пройти которую не всякому удастся, но не ценить которую нельзя.

Вернувшись с войны с блестящей репутацией выдающегося боевого офицера, И.П. предстояло решить вопрос о дальнейшем направлении своей карьеры.

Этот вопрос он решил тоже не так, как решали его большинство товарищей гвардейцев, имеющих глубокие корни в Петрограде. Отказавшись от назначения в лучшие из европейских округов, он поехал в Туркестан, где служба офицера Ген[ерального] штаба была несравненно менее шаблонна, где было еще много более не распаханной целины и где его работа могла быть и оригинальной, и исключительно полезной.

Ожидания И.П. оправдались. Про Туркестан он вспоминал всегда особенно тепло. Целый ряд интересных и продолжительных командировок на Памир, к границам Афганистана, в Бухару, дали возможность Романовскому посмотреть много интересного, пережить массу впечатлений, расширить свой кругозор, и, наконец, оставить штабу округа много ценного материала в виде различных рекогносцировок и маршрутных съемок.

В качестве ст[аршего] адъютанта моб[илизационного] от[дела] Р[омановский] из Туркестана был вызван в Петроград в Гл[авное] УГШ⁴ для разработки не-

^а Так в документе. Правильно: «Петербург».

которых моб[илизационных] вопросов. Результатом этой командировки явилось предложение Лукомского⁵ перейти И.П. в моб[илизационный] отдел. Р[оманов]ский согласился и попал на должность пом[ощника] нач[альника] III отдела[ения]⁶.

Здесь И.П. не особенно повезло. Непосредственный начальник его был некто п[олковник] Щелоков⁷, хотя и неглупый, но нахальный и редкий выскочка. Конечно, по отношению к И.П. он себя сдерживал, но, тем не менее, Романовскому было нелегко, а главное противно. Не знаю, чем бы это кончилось, но знаю, что это обстоятельство послужило одной из причин, почему И.П. охотно согласился принять должность п[ачальни]ка III отделения Г[лавного] штаба.

Помню, как сейчас, как однажды дежурный генерал П.К. Кондзеровский⁸, мой родственник, и человек мне очень близкий, позвал меня к себе в кабинет и спросил мое мнение относительно двух кандидатов, им намеченных. Один был Романовский – другой Вялов⁹. Вялова я знал мало, Романовского же горячо рекомендовал, ручаясь за его честность, скромность, порядочность и нелицеприятность. Г[енерал] Кондзеровский, много слышавший про Р. хорошего и раньше, тут же решил выбор в его пользу.

По поводу этого назначения немало было у меня разговоров и непосредственно с И.П. Резюмируя их, я могу утверждать, что не одни материальные блага, в виде хорошей квартиры и приличного оклада, руководили Романовским, когда он давал свое согласие, не желание избавиться от Щелокова, и не стремление занять одно из видных мест среди старших чинов Главного штаба, а исключительно желание поработать на пользу родной армии в области, особенно важной, каковой являлся подбор соответствующего старшего командного состава.

Это рисовалось в глазах И.П. соблазнительным. Цель была достойной^а, и он принялся за работу горячо, неутомимо сознавая свою ответственность и перед армией, и перед различными кандидатами, разбросанными в многочисленных списках всяких номеров и категорий.

Не могу не сказать, что в тот период дежурство Главного штаба являлось учреждением весьма почтенным. Там на людей смотрели с человеческой точки зрения, службу не забывали, но входили в положение каждого данного просителя, всегда стараясь сделать все возможное.

Тон задавал ген[ерал] Кондзеровский, Романовский же как нельзя более подходил к этому типу^б. Выдержанный, спокойный, он всегда и всех к нему приходящих выслушивал внимательно и всегда делал все возможное, если это было законно. Конечно, угодить всем было трудно, конечно, были и недовольные, но, насколько мне приходилось слышать и наблюдать, таких было немного.

В качестве просителя нередко приставал к Романовскому и я. Я просил, конечно, не за себя, а за кого-либо из моих приятелей или знакомых. Одному надо было узнать свою кандидатуру, другому проверить старшинство, третьему получить тот или другой полк из числа свободных к моменту назначения. Могу засви-

^а Слово неразборчиво.

^б Прямой противоположностью была атмосфера Г[лавного] у[правления] Ген[ерального] штаба, возглавляемого такими господами как Жилинский, Черный-Данилов, Беляев. Эти всегда просителю норовили подать вместо хлеба – камень, а приходящего хватить, что называется, «мордой об стол» (Примеч. Ю.Н. Плющевского-Плющика).

детельствовать, что как бы просьба не была мало исполнима, Р. всегда старался скомбинировать данные в доброжелательном для просителя смысле и, если уж отказывал, то только в том случае, если это было совершенно невозможно. Отказывая, он всегда говорил за себя и от себя, и не имел привычки очень многих в его положении находящихся – привычки сваливать отказ на старшего по себе начальника или посылать обласканного просителя с заведомо немыслимой просьбой к другому только для того, чтобы отвести от себя неприятную обязанность огорчать людей. Этот деловой способ популярности был чужд Романовскому, но может быть из-за этого у него, особенно впоследствии, и создалось так много недоброжелателей. Беря все на себя, он сознательно и нес на себе всю ответственность, как бы тяжела она ни была.

Главштабская служба, несмотря на свой интерес, была все-таки односторонняя и не могла удовлетворить всех запросов И.П., как развитого офицера Ген[ерального] штаба. Работа над стратегическими планами и предположениями, изучение противника и т. п., все это с поступлением И.П. в Главный штаб было для него закрыто.

Правда, счастливец в этом отношении и у нас в Г[лавном] у[правлении] было мало. Там дело было поставлено так, что стратегии касались только те, в круг ведения которых она входила, остальные же специализировались на своем узком деле. Общей шлифовки не было, не было и общего руководства нашим образованием. В течение года делалось несколько сообщений, не всегда интересных и очень редко талантливых. Этим и ограничивались. После сообщений не было даже обмена мнений, не говоря уже о горячих дебатах. Мы, офицеры Ген[ерального] штаба, были предоставлены сами себе и имели полную возможность мирно спать, довольствуясь ролью, хотя и высоко интеллигентных, но все-таки не офицеров Ген[ерального] штаба, а скорее военных чиновников.

Чтобы избежать этого, чтобы хоть немного заняться самообразованием, среди группы нашей молодежи возникла мысль организовать кружок для занятия военной игрой. В числе инициаторов были Романовский, Марков и я. Всего нас было человек 10–12. Никогда не забуду, с каким интересом собирались мы каждую субботу, в большинстве случаев у меня на квартире, и с каким азартом разыгрывали задачи, и спорили над решениями. Беседы наши затягивались до 2–3 часов ночи. Скромный чай и огромное количество бутербродов удовлетворяли наш аппетит, а духовной пищи было сколько угодно. Среди нас особенно крупной фигурой выделялся И.П. Спокойный, скромный, но, вместе с тем, уверенный в себе, он поражал нас и верностью своих решений, и продуманностью, и обоснованностью их.

Наши собрания продолжались целую зиму, и теперь, когда этому прошло достаточное количество лет, я всегда вспоминаю их с чувством глубокого удовлетворения, вспоминаю и Ваню, который и знаниями, и опытом, и какой-то прирожденной солидностью сразу стал во главе нас и повел нас за собою. Даже такие строптивые, как покойный Марков, наш общий милый и незабвенный друг, молчаливо признали его авторитет.

Началась война, И.П. по мобилизации был назначен на должность начальника штаба 25-й пех[отной] див[изии], куда и немедленно отправился. На некоторое время я его потерял из виду и только в конце [19]14 года, воспользовавшись слу-

чаем, что дивизия входила в состав X армии, ст[аршим] адъютантом штаба которой я состоял, мне удалось навестить Ив[ана] Пав[ловича].

Мы очень обрадовались друг другу. Много говорили. 25-я дивизия к тому времени выдержала уже ряд тяжелых боев в Вос[точной] Пруссии и пользовалась репутацией одной из лучших. Работа Р[оманов]ского, конечно, не могла не сказаться, и я прекрасно помню, что уже после первых боев среди офицеров Ген[ерального] штаба стали говорить про И[вана] Пав[ловича] как про выдающегося. Молва приписывала ему Георгиевский крест, к которому он и был, кажется, представлен, но получил оружие.

В период командования И.П. полком я с ним встречался только один раз. Нам не суждено было вместе рядом драться, но при подготовке к наступлению [19]16 года III-й Кавказ[ский] корпус был переброшен в наш район и поставлен за нашим II кавал[ерийским].

Сальянский полк, которым командовал Р.¹⁰, оказался по близости Горийского, которым командовал я¹¹. Романовский приехал ко мне, и мы вместе провели $1\frac{1}{2}$ дня, вспоминали прошлое, гадали о будущем. Предстоящие бои подымали настроение, уверенность в успехе дела полная, не было сомнения и в победном окончании войны.

После этого мы не видались до самой «Ставки»¹² и про командование И.П. полком я знаю очень мало. Знаю, что оно, конечно, было доблестным, знаю, что в бою 22 сентября он был ранен, знаю, что его нач[альник] див[изии] ген[ерал]-лейт[енант] Иванов¹³ неоднократно представлял его к Георгиевскому кресту и до сих пор сожалеет и возмущается, что еще до революции и связанного с ней развала армии представление не только затянулось, но и затерялось.

В моем распоряжении и совершенно случайно оказались два документа, могущие характеризовать И.П. как командира. Копии с них я Вам посылаю. К сожалению, ген[ерал] Иванов, обещавший мне вспомнить бой 22 сентября и представление Вани к Георгию, все забыл. На днях я зайду к нему и пороюсь у него в его бумагах. Он говорит, что у него сохранился приказ по дивизии с описанием этого боя. Может быть с моей помощью он что-нибудь и возобновит в памяти.

Революция застала И.П. на должности ген[ерал]-квар[тирмейстера] штаба X армии, а гучковская перетасовка начальствующих лиц¹⁴, конечно, не могла не коснуться и его. Он получил целый ряд предложений и, в конце концов, был назначен на штармом¹⁵ VIII, командармом которой был Корнилов¹⁶. Здесь И.П. пришлось выдержать тяжелую и упорную борьбу с комиссарами и комитетами. Отношения настолько обострились, что армейский комитет потребовал предать Р. суду. Корнилов протестовал, отстаивал, но в конце концов, как выход из положения, не только должен был согласиться, но даже, как говорит Е[лена] Мих[айловна]¹⁷, просил Брусилова¹⁸, при назначении его главковерхом¹⁹, взять Романовского на должность первого генкварма²⁰.

Совместная служба Корнилова с И.П. прочно соединила их. Отношения эти сохранились и в Ставке, где Корнилов резко выделял Романовского и подчеркивал свое к нему исключительное доверие. Это обстоятельство и было причиной того, что Р. сделался сразу одним из главных участников корниловских замыслов. Он знал их раньше других, участвовал в некоторых весьма секретных совещаниях, был свидетелем и исполнителем определенных решений. Лукомский, несмотря на

свою должность, знал меньше Романовского и даже, мне кажется, ревновал к нему. Что касается меня, то, находясь в самом, что называется «горниле», я о многом догадывался, многое видел, но с расспросами к И.П. не приставал из чувства деликатности. Он же сам был могила, и только отдельные фразы и слова выдавали его настроение. А настроение это было не из важных. Такой человек, как И.П., конечно, не мог не видеть все, что кругом творилось, не мог не болеть душой и за Родину и за родную нам всем армию.

Он считал, что служба наша Отечеству кончилась, что началось «служение» и к этому служению, к служению вплоть до эшафота, до большевистской стенки, он и был готов с первого же дня своего приезда в Ставку. В возможность что-либо сделать с силами и средствами, бывшими в нашем распоряжении, он не верил, но, тем не менее, считал, что от какой-либо попытки, даже и малонадежной, отказываться нельзя. Надо дерзать и, если не удастся спасти родину, то важно даже показать, что есть еще честные люди, способные пожертвовать собою за то, во что верят. Мне кажется, что с этим чувством он и пошел в корниловское дело. Не верил, но шел, ибо не мог не идти. Не верил умом, но надеялся сердцем.

Считая себя обреченным, он выписал в Ставку жену и, не скрывая своего настроения, указал ей устроить семью так, чтобы возможный крах как можно менее на ней отразился. Мало того, не веря в дело, он старался возможно меньшее число лиц подвести под неизбежную фактическую ответственность. Характерен факт, хотя бы по отношению ко мне, факт, доказывающий его исключительно доброе сердце, исключительное благородство.

Для того, чтобы иметь в Ставке побольше надежного элемента, Корнилов приказал вызвать в Могилев некоторое число исключительно ему рекомендованных офицеров, и вызов этот произвести под видом организации пулеметных курсов. Собственно говоря, вся исполнительная часть этого приказа должна была лечь на меня, как на 2-го генкварма, но Романовский, под видом того, что я более его занят, взял все на себя, и за его подписью были отправлены все вызовы во все армии. Эти подписи впоследствии и инкриминировались ему, как фактическое участие в заговоре. Я утверждаю, что в данном случае он сознательно спасал меня, и не только спасал, но и сумел скрыть это от меня же. Об этом я узнал совершенно случайно, присутствуя при подписании Р. последнего вызова, кажется, уже на второй день кор[ниловского] выступления.

«Что ты делаешь? – спросил я его, рассматривая только что подписанную бумагу, – ведь это моя обязанность?» – «Отчего ты мне раньше это не передал?» – «С какой стати я буду топить тебя, я уже человек обреченный, и это разницы не делает, ты же фактически в заговоре не участвовал и ввязываться тебе теперь – смысла не имеет».

Что я мог сказать на это?

Приведенный факт сам говорит за себя. Думаю, что на такой поступок вряд ли многие были бы способны. И все это делалось без рисовки, без тени желания произвести впечатление. Наоборот, когда впоследствии я иногда говорил И.П., что только ему я обязан скорым освобождением^а из тюрьмы, он сердился, и ему это было даже неприятно.

^а В документе ошибочно: «скорому освобождению».

Чем кончилось корниловское выступление, всем известно. Р[оманов]ский был прав. Россия узнала, что у ней есть верные сыны, но все-таки предала честных в руки бесчестных.

1 сентября [19]17 года мы с И.П. по приказанию Лукомского выехали на вокзал в Могилеве встречать бывшего царского генерал-адъютанта в новой роли н[ачальни]ка штаба главковерха – адвоката. 1-го же вечером мы четверо (Кор[нилов], Лук[омский], Ром[ановский] и я) сидели уже под замком. Как держал себя Р. в заключении – Вы знаете. Я лично могу сказать, что и в первые дни, особенно пугающие своей неизвестностью (иногда в нашем воображении не без основания рисовались казематы Петропавловки), И.П. был спокоен. Он ждал худшего, но духом не падал и в своих показаниях не только ни одним словом не выгораживал себя, но, наоборот, спасал других. Знаю, что он много показал такого, что послужило поводом к моему скорому освобождению.

За что же убили «его»? Как вообще могла создаться такая обстановка, что жертвой идейного убийства мог стать один из лучших, один из достойнейших!

Здесь, уже в Сербии, говорил об этом убийстве с людьми самых разнообразных направлений, мне пришлось встречать и горячих сторонников покойного Романовского, и таких, которые его осуждали. Первые – были в большинстве офицеры, вторые – или люди политической оппозиции, или принадлежащие к числу обиженных и обойденных. Осуждающие всегда затруднялись конкретно формулировать свои обвинения и отделялись общими фразами, называя И.П. кадетом, масоном, злым гением Вашего Превосходительства^а. Все это было голословно и настолько неумно, что было бы невероятно, если бы какие-нибудь серьезные организации в своем смертном приговоре руководствовались подобным вздором.

На вопрос, кто его убил, почти никто не мог ответить сколько-нибудь обоснованно. Одни предполагали, что это мальчуган – фанатик, дитя своего времени, в отчаянии своем посягнувший на И.П. как на человека, ставшего в глазах толпы одним из главных виновников всех несчастий, другие – называли какое-то, чуть ли не мифическое общество не то белого креста, не то военного ордена, общество, если можно так выразиться, монархистов-террористов, кончившее^б вскоре тем, что большинство членов его, уличенных^в в грабежах и разбоях, были расстреляны в Крыму.

И та, и другая версии – лишь предположения. Я склонен думать, что первая вернее и главным виновником убийства следует считать не самого преступника, а тех, кто еще задолго до смерти И.П., распускал про него черную клевету и ошибки свои старался свалить на его неповинную голову. А таких людей было немало. Близость Ваша с И.П., так же, как и близость его с Корниловым, были многим не по нутру. Сначала завидовали и ревновали, потом начали интриговать. Огромную роль в этом отношении сыграла неподатливость и Ваша, и И.П. к каким-либо влияниям. Не поддаетесь Вы – пробуют через Р., а он оказывается тверд, как скала. Помните Вы Василия Шибанова?

^а Имеется в виду А.И. Деникин.

^б В документе ошибочно: «кончившего».

^в В документе: «уличенные».

«Ему все едино, он славит
свово господина!»²¹

Вот таким и был Ваня. Вы и он были идеальной комбинацией г[лавного-командую]щего и нач[альника] штаба. Понимали друг друга с полуслова. Во едино веровали, во едино и исповедовали, а это многим было неприятно.

Я помню ту атмосферу интриги, которая поразила меня осенью [19]18-го года, когда я только что прибыл в Екатеринодар. Я не был еще генквармом, а уже многие учли мой приезд как человека, близкого Ване, как могущего влиять на него, учли и стали внушать мне, что это злой гений Добр[овольческой] армии, ненавистник гвардии, виновник гибели лучших офицеров под Ставрополем. Я тоже оказался из упорных, но с мыслью влиять через меня на И[вана] Пав[ловича], а, следовательно и на Вас, расстались не сразу и месяца два моя скромная квартирка в доме Богарсукова не раз посещалась людьми, имевшими целью убедить меня, какой талантливый и глубоко государственный человек Кривошеин²² и т. п. Посещения эти резко оборвались, как только убедились в моей неподатливости и малой склонности к политической интриге.

Меня оставили в покое, но тревоги Романовского усилили и развивали. Им было важно дискредитировать его, если не в Ваших глазах, то хотя бы в глазах общества, сделать его ответственным и за курс политики, и за все ошибки, за которые естественно должны были отвечать и другие помощники Вашего Превосходительства.

Роль И.П., как члена Особого совещания²³, его отношение к различным политическим партиям, Вам лучше известна. Я думаю, что и тут он был «Вашим начальником штаба» и делал то, что Вы оба считали нужным и честным. Влиять и на него, и на Вас было бы тщетной попыткой, но общественное мнение иначе смотрело на это дело. Из уст в уста передавалось о засилье кадет, о[б] их происках и интригах, а имена Астрова²⁴ и Федорова²⁵ назывались как имена людей, всемогущих и всесильных. Всем было известно, что эти столпы кадетства редко бывают у Вас, но что Федоров (я ненавижу его всей душой) постоянно торчит у Романовского.

Что он там делал и о чем говорил, никто не знал, но самых фактов посещений было достаточно, чтобы построить новую интригу, обвиняющую И.П. в том, что он продался кадетам и зло влияет на Вас в сторону, угодную этой партии.

Пока все было хорошо, голоса интриганов раздавались и замолкали, когда же фронт поколебался, к ним стали все более и более прислушиваться. Сплетня стала расти и распространяться, а почва для этого являлась более, чем благоприятная. Масса людей, приехавших в Добр[овольческую] армию и не получивших назначения, масса судимых в разных судах и комиссиях, все это вспомнило свои мелкие обиды, все это и составляло толпу, радостно подхватывающую все дурное про главное командование, толпу готовую всегда и с удовольствием свести личные счеты с Вашим н[ачальни]ком штаба.

Самый характер И.П. тоже был немалой причиной большого количества его врагов. К нему шли уже с предубеждениями, а он никогда не умел золотить пилюлю и всегда высказывал прямо и определенно, что думал. Он принадлежал к числу людей, у которых есть искренние и преданные друзья, но у которых мало приятелей. Будучи человеком бесконечно доброго сердца, он, тем не менее, не умел рас-

положить к себе, не умел обласкать. Иногда его истина^а выходила такой тяжелой, что многие, не знающие его, обижались.

Я часто говорил ему об этом, но он, хотя и признавал свой недостаток, но был неисправимым. На такой должности, как его, такое свойство характера только увеличивало число его врагов – недоброжелателей.

Вместе с гибелью нашего дела число врагов Р. увеличивалось крещендо, и имя его, опороченное злой клеветой, было брошено толпе, которая естественно искала виновников.

Вы помните Новороссийск? Вам, вероятно, известно, что уже там на офицерском митинге И[ван] Пав[лович] трактовался как изменник, как купленный большевиками. Толпа, состоящая из офицеров, не желавших драться и совершенно разложившихся, не разбиралась в том, что демагогическую речь сказал негодяй Манакин²⁶ – спекулянт от революции, ей, этой толпе, нужен был виновник, и она искренне кричала: «Распни его». Так было всегда, так и будет, и кто знает, может уже здесь, на этом митинге, зародился у убийцы преступный план его.

Вот все, что я думаю по поводу этого убийства. Я глубоко убежден, что оно было результатом переживаемой острой минуты. Если бы тогда, в Константинополе, преступный замысел не удался бы, то наш милый, честный и высокоблагородный Ваня жил бы среди нас и, может быть, в будущем послужил бы и Родине, которая его, несомненно, еще и вспомнит, и оценит.

Вчера был у генер[ала] Иванова и окончательно убедился, что, несмотря на доброе желание, старик все забыл, и ничего вспомнить не может. Показывал он мой случайно сохранившийся приказ по III кав[алерийскому] корпусу после боев 17–22 сентября. Приказ темный и мало говорящий. Сопоставляя его с рассказами Иванова, я вывел заключение, что И.П. в этих боях (а где они происходили, Иванов не помнит) командовал боевым участком из трех полков, что с момента подчинения соседей Р[оманов]скому делу пошло блестяще, а за то же время в действиях штаба согласия не было, что в этом бою Романовский участвовал, имея уже приказ о назначении его генквармом X в кармане, что он был ранен, лично участвуя в атаке наиболее важного участка неприятельской позиции. Ген[ерал] Иванов просил упомянуть, что Р. был выдающимся командиром и что донесения его всегда отличались исключительной правдивостью, хотя бы даже и в ущерб себе.

Он считает, что Георгиевский крест не пришел, только благодаря случайности.

Представление И.П. в генералы за боев[ое] отличие более полное. Я приведу его целиком: «В течение целого месяца, с 22 июня с.г. (вероятно [19]16-го^б) вверенной мне дивизии пришлось вести ряд упорных боев в районе дер[евни] Скрובה.

В ночь с 22 на 23 июня 206-й Сальянский Е.И.В.Н. Ц[есареви]ча²⁷ полк сменил 42[-ю] и 55[-ю] дивизии и 24 июня была произведена атака сильнейшего участка неприятельской позиции – “треугольной роци”. Сальянский полк блестяще штурмовал эту позицию, прорвав, кроме разрушенного нашей артил-

^а Слово неразборчиво.

^б Комментарий Ю.Н. Плющевского-Плющика.

л[ерией], еще 2 полосы проволоки и частью ворвался в рощу. Лишь жестокий заградительный огонь немцев, выведший из строя большую часть начальствующих лиц, остановил доблестных сальянцев. Эта атака была произведена на глазах к[оманди]ра корпуса и моих. Сам И.П. Романовский вместе со своим штабом ринулся к передовым цепям полка, когда они были под самым жестоким огнем противника.

Некоторые из сопровождавших его были ранены, один убит, и сам командир с полковым адъютантом были засыпаны землею от разорвавшегося снаряда в ходе сообщения.

Столь же блестящую работу и при тех же условиях дали сальянцы при атаке горки “Башмак” на северном участке той же позиции 12 июля. И этой атакой лично руководил к[оманди]р полка в расстоянии всего лишь 250 шагов от атакуемого участка, под заградительным огнем немцев. Только в силу общей обстановки через день горка была очищена нами.

Выдающиеся организаторские способности полков[ника] Романовского, проявленные им в самом начале командования полком, его умение дать такое воспитание войсковой части, какое показал полк, как во время упомянутых атак, так и за целые месяцы работ по возведению плацдарма у Крево в 600 шагах от противника, его личная отвага, соединенная с мудрой расчетливостью, когда это касается его части, обаяние его личности, не только на чинов полка, но и на всех, с кем ему приходилось соприкасаться, его широкое образование и верный военный глаз – дают ему право на занятие высшей должности для более широкого применения его блестящих дарований, а отличная и доблестная служба заслуживают соответствующей награды, почему усердно ходатайствую о производстве его в ген[ерал]-майоры. Ген[ерал]-л[ейтенант] Иванов».

Привожу еще записку ген[ерал]-лейт[енанта] Иванова, адресованную И[вану] Пав[ловичу] 22 сентября [19]16 года с наблюдательного пункта в момент, когда после удачной атаки Р. был ранен: «Прошу принять сердечную благодарность за доблестное командование полком и боевым участком, запечатленное кровью. Дай Бог скорого выздоровления от раны, чтобы вступить в ряды славного Сальянского полка и вновь разбить врага, подавая, как всегда, собою пример храбрости, преданности делу и отличного руководства в бою. Спасибо еще раз доблестному Сальянскому полку и его герою-командиру. Ген[ерал]-лейт[енант] Иванов».

Вот все, что я хотел написать Вам про И.П. Простите, что вышло длинно. Многое, конечно, Вы знаете, что же касается обстоятельств его смерти, то я позволил себе высказать Вам свое предположение в том расчете, что, если Вы с некоторыми моими выводами согласны, то они еще больше утвердят Вас в Вашей догадке и предположениях, если же нет, то мое мнение Вы просто отставите, что называется, «без последствий».

Вашу книгу, глубокоуважаемый Антон Иванович, ожидаю с нетерпением и буду считать ее для себя драгоценным подарком²⁸.

Большое спасибо за присланную фотографию. Жена на днях будет сама писать глубокоуважаемой Ксении Васильевне²⁹. Если бы Марина³⁰ не была бы снята с матерью, мы не узнали бы ее. Растут маленькие человечки. Что-то ожидает их в будущем?

Три фотографии при сем прилагаю для пересъемки^а. Больше достойного внимания у меня ничего нет. Искренне Вас уважающий и преданный Ю. Плющевский-Плющик.

ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 237. Л. 1–12об. Автограф.

Примечания

¹ *Марков Сергей Леонидович* (1878–1918) – генерал-лейтенант, один из лидеров Белого движения на Юге России.

² Супругой И.П. Романовского была дочь курского помещика Елена Михайловна Бакева. В браке родилось трое детей: Михаил (1904), Ирина (1906), Ольга (1910). Подробнее см.: Столыпин А.А. Дневники 1919–1920 годов. Романовский И.П. Письма 1917–1920 годов. М.; Брюссель, 2011.

³ *Кондратович Киприан Антонович* (1859–1932) – генерал-майор (впоследствии – генерал от инфантерии), командующий 9-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизией (1904–1905).

⁴ Главное управление Генерального штаба (общепринятое сокращение – ГУГШ).

⁵ *Лукомский Александр Сергеевич* (1868–1939) – генерал-майор (впоследствии – генерал-лейтенант). Начальник мобилизационного отдела ГУГШ (1909–1913).

⁶ И.П. Романовский занимал должности помощника делопроизводителя мобилизационного отдела ГУГШ (1909–1910) и помощника начальника отделения ГУГШ (16.09 – 22.10.1910).

⁷ *Щолоков (Щелоков) Иван Иванович* (1872–1935) – полковник. Начальник отделения ГУГШ (1910–1913).

⁸ *Кондзеровский (Кондырев) Петр Константинович* (1869–1929) – генерал-майор (впоследствии – генерал-лейтенант). Дежурный генерал Главного штаба (1908–1914), затем – Ставки Верховного главнокомандующего (1914–1917).

⁹ *Вялов Степан Ефимович* (1875–1915) – полковник (впоследствии – генерал-майор). Помощник делопроизводителя ГУГШ (1909–1912).

¹⁰ И.П. Романовский являлся командиром 206-го пехотного Сальянского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка (с 06.08.1915).

¹¹ Ю.Н. Плющевский-Плющик являлся командиром 202-го пехотного Горийского полка (с 17.12.1915).

¹² Имеется в виду период совместной службы в Ставке Верховного главнокомандующего в 1917 г., когда Романовский занимал пост 1-го генерал-квартирмейстера Ставки Верховного Главнокомандующего (с 10.06.1917), а Плющевский-Плющик – и.д. 2-го генерал-квартирмейстера (также с 10.06.1917).

¹³ *Иванов Николай Максимович* (1859–1935) – генерал-лейтенант, начальник 52-й пехотной дивизии.

¹⁴ Речь идет о гучковских «чистках» в армии в марте – апреле 1917 г. – мероприятиях по удалению из командного состава русской армии лиц, признанных реакционными элементами, а фактически проявивших нелояльность по отношению к Временному правительству или заподозренных в этом. Инициатором «чисток» был военный министр А.И. Гучков. Эта акция также являлась формой популистского заигрывания с солдатскими массами. Подробнее см.: Ганин А.В. Гучковские «чистки» в армии // Россия в 1917 году. Энциклопедия. М., 2017. С. 276.

¹⁵ Начальником штаба армии.

^а В деле отсутствуют.

¹⁶ *Корнилов Лавр Георгиевич* (1870–1918) – генерал-лейтенант, генерал от инфантерии (с 27.06.1917). Командующий 8-й армией (с 29.04.1917). Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (с 10.07.1917). Верховный главнокомандующий (с 18.07.1917).

¹⁷ Вдова И.П. Романовского.

¹⁸ *Брусилов Алексей Алексеевич* (1853–1926) – генерал от кавалерии. Верховный главнокомандующий (с 21.05.1917).

¹⁹ Верховным главнокомандующим.

²⁰ Здесь и далее – генерал-квартирмейстера. И.П. Романовский занимал пост 1-го генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего.

²¹ Речь идет о балладе А.К. Толстого «Василий Шибанов».

²² *Кривошеин Александр Васильевич* (1857–1921) – государственный деятель.

²³ Особое совещание при главнокомандующем ВСЮР – законосовещательный и распорядительный орган управления антибольшевистских сил на Юге России.

²⁴ *Астров Николай Иванович* (1868–1934) – политик и общественный деятель, начальник управления внутренних дел Особого совещания.

²⁵ *Федоров Михаил Павлович* (1845–1925) – депутат Государственной Думы.

²⁶ *Манакин Виктор Константинович* (1887–1964) – подполковник (впоследствии – полковник). В документе – Монакин.

²⁷ Его императорского высочества наследника цесаревича.

²⁸ Речь идет об «Очерках русской смуты».

²⁹ *Деникина (Чиж) Ксения Васильевна* (1892–1973) – супруга А.И. Деникина.

³⁰ *Деникина Марина Антоновна* (1919–2005) – дочь А.И. Деникина.